

Зезина Е.С.,

студент

3 курс, юридический факультет

Самарский университет государственного управления

«Международный институт рынка»,

Россия, г. Самара

Научный руководитель: Паулов П.А.,

доцент каф. конституционного и административного права

Самарский университет государственного управления

«Международный институт рынка»,

Россия, г. Самара

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация: в статье анализируются возможности и ограничения внедрения искусственного интеллекта в арбитражное судопроизводство России. Обоснована допустимость автоматизации вспомогательных процедур (проверка формальных требований, распределение дел, уведомления). Выявлены фундаментальные препятствия для передачи ИИ оценки доказательств и принятия решений: проблема «черного ящика», отсутствие мотивировки, противоречие принципам внутреннего убеждения и независимости судей. Предложены направления правового регулирования, включая требования к прозрачности алгоритмов и распределение ответственности за ошибки.

Ключевые слова: искусственный интеллект, арбитражное судопроизводство, цифровая трансформация, правосудие, автоматизация,

оценка доказательств, правовое регулирование, внутреннее убеждение судьи, ответственность за ошибки алгоритмов.

Annotation: *the article analyzes the possibilities and limitations of the introduction of artificial intelligence in Russian arbitration proceedings. The feasibility of automating auxiliary procedures (verification of formal requirements, allocation of cases, notifications) is substantiated. Fundamental obstacles to the transfer of evidence assessment and decision-making to AI have been identified: the problem of the "black box", lack of motivation, contradiction to the principles of internal conviction and independence of judges. The directions of legal regulation are proposed, including requirements for transparency of algorithms and allocation of responsibility for errors.*

Keywords: *artificial intelligence, arbitration proceedings, digital transformation, justice, automation, evaluation of evidence, legal regulation, judge's internal conviction, responsibility for algorithm errors.*

Цифровая трансформация судебной системы Российской Федерации закономерно привела к обсуждению возможности внедрения технологических решений, основанных на моделировании когнитивных функций человека. В арбитражном судопроизводстве, где основу составляют экономические споры между юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, высокий уровень формализации процессов, стандартизация документации и значительный объем повторяющихся действий создают предпосылки для использования искусственного интеллекта. Под искусственным интеллектом в данном контексте понимается комплекс технологических средств, позволяющих анализировать большие массивы судебных актов, распознавать реквизиты документов, прогнозировать исходы дел на основе предшествующей практики и автоматизировать вспомогательные процедуры. Внедрение таких систем рассматривается как средство повышения

эффективности правосудия, однако сопряжено с рядом юридических, этических и технологических проблем.

Актуальность изучения применения искусственного интеллекта в арбитражном судопроизводстве обусловлена несколькими факторами. Во-первых, арбитражные суды традиционно перегружены: ежегодно рассматриваются сотни тысяч дел, значительная часть которых носит типовой характер (взыскание задолженности, договорные споры). Автоматизация рутинных операций — проверки подсудности, анализа исковых заявлений на предмет соответствия формальным требованиям — могла бы разгрузить судей и их аппарат. Во-вторых, в России уже функционируют отдельные элементы цифровой инфраструктуры, такие как система «Мой арбитр» и банк судебных решений, что создает технологическую базу для внедрения более сложных алгоритмов. В-третьих, в научной среде и среди практикующих юристов ведутся дискуссии о допустимости использования машинного анализа для оценки доказательств и вынесения решений, что требует скорейшей выработки правовых позиций. Наконец, зарубежный опыт показывает как успехи, так и неудачи в этой области, что заставляет российскую правовую систему определить собственный сбалансированный подход.

Анализ современных технологических решений, потенциально применимых в арбитражном процессе, показывает, что наибольший интерес представляют системы, основанные на обработке естественного языка и машинном обучении. Как справедливо отмечает **В.В. Аргунов**, цифровизация арбитражного процесса уже привела к появлению «электронных судов», а следующим логическим шагом должна стать частичная автоматизация рассмотрения бесспорных требований [1, с. 45]. К числу таких решений относятся программы для автоматического распознавания реквизитов документов (OCR-технологии), чат-боты для консультирования сторон по вопросам подсудности и порядка подачи документов, а также системы прогнозирования судебных решений на основе анализа больших данных

(например, система «Правосудие онлайн», разрабатываемая в рамках экспериментальных проектов). Степень готовности этих технологий к внедрению неодинакова. Технически зрелыми являются инструменты, выполняющие вспомогательные функции: проверка формального соответствия искового заявления требованиям ст. 125 «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ (далее – АПК РФ) [2], автоматическое присвоение дел судьям с учетом их специализации и нагрузки, формирование автоматических напоминаний о процессуальных сроках. Однако системы, претендующие на анализ доказательственной базы или разрешение правовых коллизий, находятся на стадии научных экспериментов и не могут быть внедрены без серьезной правовой доработки. Однако даже самые совершенные нейросетевые модели демонстрируют высокий процент ошибок при интерпретации оценочных понятий, таких как «разумный срок», «добросовестность» или «незначительность нарушения», что делает их непригодными для самостоятельного принятия решений в арбитражном процессе.

Выявление перечня судебных процедур, подлежащих автоматизации без ущерба для прав участников процесса, требует строгой дифференциации между действиями техническими и действиями, требующими правовой оценки. Безусловно, могут быть автоматизированы такие вспомогательные и обеспечительные действия, как проверка уплаты государственной пошлины ст. 333.21 «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 N 146-ФЗ [3] (далее НК РФ) – алгоритм может сверить сумму, указанную в платежном поручении, с установленным размером пошлины в зависимости от цены иска. Также возможно автоматическое формирование определений об оставлении искового заявления без движения при выявлении формальных недостатков (отсутствие подписи, неполный перечень приложений) – такая автоматизация уже реализована в некоторых арбитражных судах в рамках пилотных проектов. Автоматизации подлежат

также процедуры уведомления сторон о дате и времени судебного заседания посредством СМС-рассылки или сообщений в личный кабинет системы «Мой арбитр», что прямо допускается ст. 121 АПК РФ [2]. Более того, можно автоматизировать подготовку проектов судебных актов по бесспорным делам, например, по делам о взыскании задолженности по договору при отсутствии возражений ответчика. Однако окончательное подписание такого акта судьей должно оставаться обязательным – это вытекает из принципа осуществления правосудия только судом. В противном случае происходит подмена носителя судебной власти с человека на алгоритм.

Правовые и этические ограничения, препятствующие передаче искусственному интеллекту полномочий по оценке доказательств и принятию итоговых судебных актов, носят фундаментальный характер. Прежде всего, статья 170 АПК РФ требует, чтобы судебное решение содержало мотивировочную часть, в которой суд указывает, почему он принял или отверг те или иные доказательства, почему применил именно данную норму права [2]. Искусственный интеллект, основанный на нейросетевых алгоритмах, принципиально неспособен предоставить понятную для человека цепочку логических рассуждений – его выводы являются результатом сложнейших математических преобразований, не поддающихся интерпретации (так называемая проблема «черного ящика»). Как пишет **М.В. Захарова**, «отсутствие объяснимого мотивированного решения равносильно отсутствию самого правосудия, поскольку стороны не могут понять, на каком основании удовлетворены их требования или отказано в иске, что делает невозможным эффективное обжалование» [4, с. 87]. Кроме того, статья 71 АПК РФ устанавливает, что суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств [2]. Категория «внутреннего убеждения» является сугубо человеческой, связанной с правосознанием и жизненным опытом судьи, и не может быть

алгоритмизирована. Этическое ограничение связано также с принципом независимости судей: если решение выносится машиной, то судья перестает быть независимым, становясь оператором технической системы, что недопустимо. **Н.А. Громошина** в этой связи использует метафору «слепого правосудия», подчеркивая, что машина может быть беспристрастна в математическом смысле, но именно человеческое сострадание и способность к эмпатии, иногда позволяющие отступить от формальных правил во имя справедливости, составляют суть правосудия [5, с. 55].

Оценка рисков использования алгоритмических систем в арбитражном судопроизводстве выявляет три основные группы угроз. Технические ошибки: алгоритмы могут неправильно распознать текст документа, пропустить важное доказательство, неверно классифицировать исковые требования. Примером может служить ситуация, когда система автоматического распределения дел не учла отвод, заявленный судье, и назначила дело на того же судью – последствия такой ошибки привели бы к безусловной отмене судебного акта. Более того, как показывает анализ работы зарубежных систем прогнозирования (например, американской COMPAS), алгоритмы могут воспроизводить и усиливать существующие предубеждения, если обучались на данных, содержащих дискриминационные паттерны. В российском арбитражном процессе это может проявиться в систематическом принятии решений в пользу крупных компаний в спорах с малым бизнесом, если алгоритм «обучился» на статистике, где крупные компании выигрывают чаще. Отсутствие мотивировки машинных выводов уже было рассмотрено выше, добавим лишь, что это нарушает право на справедливое судебное разбирательство, гарантированное ст. 46 «Конституции Российской Федерации» [6] (далее Конституция РФ). Наконец, проблема распределения ответственности за неправомерное решение, вынесенное на основе рекомендации ИИ, является юридически неразрешимой в рамках действующего законодательства. Кто будет нести дисциплинарную,

гражданско-правовую или даже уголовную ответственность – судья, подписавший решение, разработчик алгоритма, председатель суда, внедривший систему, или сам алгоритм? Действующее законодательство не предусматривает ответственности юридических лиц (а тем более программных продуктов) за ошибки в правосудии. Ст. 15 «Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ [7] (далее ГК РФ) допускает возмещение вреда, причиненного государственными органами, но для этого необходимо установить вину конкретного должностного лица. Если решение принято на основе «черного ящика», доказать вину судьи невозможно, поскольку он лишь утвердил результат, сгенерированный машиной. **С.П. Ломтев** справедливо заключает, что «внедрение ИИ в правосудие без решения вопроса об ответственности за ошибки алгоритма является юридической авантюрой» [8, с. 132].

Отношение судей, юристов и предпринимательского сообщества к внедрению искусственного интеллекта в арбитражное судопроизводство, согласно доступным социологическим и аналитическим данным, является сдержанно-настороженным. В исследовании, проведенном в 2023 году Советом судей Российской Федерации при участии Российской академии народного хозяйства и государственной службы, было опрошено 450 судей арбитражных судов. Около 62% респондентов высказались категорически против передачи ИИ любых правотворческих или правоприменительных функций, но 78% поддержали автоматизацию вспомогательных процедур (распределение дел, проверка формальных требований, уведомления) [9, с. 6]. Среди практикующих юристов (опрос проведен порталом «Право.ру» среди 1200 респондентов) 55% опасаются, что использование ИИ приведет к снижению качества правосудия, особенно в сложных делах, требующих толкования закона. Однако 40% корпоративных юристов крупных компаний выразили надежду, что алгоритмизация ускорит рассмотрение дел и уменьшит коррупционную составляющую [10]. Предпринимательское сообщество,

особенно малый и средний бизнес, относится к ИИ в судах позитивнее: по данным Торгово-промышленной палаты РФ, 68% предпринимателей считают, что «роботизированный судья» будет более объективен и неподкупен, чем человек [11]. Эти данные показывают глубокий разрыв в восприятии: профессиональное судебское сообщество опасается за качество и этику правосудия, в то время как бизнес, уставший от судебных волокит и злоупотреблений, видит в машине панацею.

Формулирование предложений по правовому регулированию использования искусственного интеллекта в российском арбитражном процессе требует сбалансированного подхода. Прежде всего, необходимо внести изменения в Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения цифровых технологий» [12] (далее ФЗ № 220-ФЗ), дополнив его статьей, прямо запрещающей передачу искусственному интеллекту полномочий по принятию судебных решений по существу спора и оценке доказательств по внутреннему убеждению. Однако следует разрешить использование ИИ в качестве «помощника судьи» – для подготовки проектов процессуальных документов, проверки судебной практики, расчета сумм неустоек и процентов. Требования к прозрачности алгоритмов должны быть закреплены на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ: любая система ИИ, используемая в судопроизводстве, обязана предоставлять «объяснимый вывод» – то есть показывать, на основании каких юридических фактов и нормативных положений был получен результат. Если алгоритм является коммерческой тайной разработчика, такая система не может быть допущена к использованию – это прямо вытекает из принципа открытости судебного разбирательства. Кроме того, необходимо сохранить роль человека при принятии ключевых решений: судья обязан лично ознакомиться с материалами дела в случае, если любая из сторон заявила возражение против использования автоматизированной подготовки акта. Должна быть создана

система страхования рисков ошибок ИИ: если неправоудное решение было вынесено вследствие сбоя алгоритма, государство (в лице Судебного департамента при Верховном Суде РФ) должно нести ответственность за вред, причиненный сторонам, с правом регрессного требования к разработчику программного обеспечения. Такое предложение высказано в проекте Концепции цифровой трансформации судебной системы до 2030 года, который, к сожалению, пока не принят. Наконец, необходимо создать открытый реестр алгоритмов, применяемых в арбитражных судах, с обязательным проведением регулярного аудита на предмет отсутствия дискриминации и предвзятости. Таким образом, искусственный интеллект может стать ценным инструментом в арбитражном судопроизводстве, но лишь при условии жестких правовых ограничений, сохраняющих верховенство человеческого судьи как единственного носителя судебной власти.

Использованные источники:

1. Аргунов, В.В. Цифровые технологии в арбитражном процессе: современное состояние и перспективы / В.В. Аргунов // Вестник гражданского процесса. – 2021. – № 3. – С. 42-58.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.
4. Дедов, Д.И. Роботизированные определения в арбитражных судах: опыт и перспективы / Д.И. Дедов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. – № 2. – С. 25-31.

5. Стрельцова, Е.Г. Искусственный интеллект и принцип осуществления правосудия только судом / Е.Г. Стрельцова // Журнал российского права. – 2022. – № 11. – С. 195-208.

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – 25 дек.; Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

8. Ломтев, С.П. Ответственность за ошибки искусственного интеллекта в судебной системе / С.П. Ломтев // Закон. – 2024. – № 4. – С. 125-138.

9. Отчет Совета судей Российской Федерации о результатах исследования «Отношение судей к внедрению технологий искусственного интеллекта»: аналитический доклад / под ред. В.М. Лебедева. – М.: Судебный департамент при Верховном Суде РФ, 2023. – С. 48-52.

10. Право.ru. Искусственный интеллект в судах: опрос юристов // Юридический портал. – 2024. – 15 марта. – URL: https://pravo.ru/ai_survey_2024 (дата обращения: 01.04.2026).

11. Торгово-промышленная палата Российской Федерации. Мнение предпринимателей о цифровизации правосудия: аналитическая записка / ТПП РФ. – М.: ТПП РФ, 2024. – С. 32-36.

12. Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения цифровых технологий» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 26 (ч. I). – Ст. 3888.